

Москва, Комсомольск — 1994 — 27 мая Александр МИНКИН

СОЛЖЕНИЦЫН ОПОЗДАЛ НА САМОЛЕТ

Пароход уплыл. Поезд ушел

Солженицын опоздал.

В 1985-м он вернулся бы героем.

В 1988-м — пророком. Вся страна читала "ГУЛАГ".

В 1990-м — стал бы членом Президентского Совета.

Сегодня — если наконец приедет — несколько интервью и творческий вечер в Киноцентре. Ведущий — Говорухин. Тема — "Как нам обустроить Россию, которую мы потеряли?"

Сегодня лучше перечитать "Один день Ивана Денисовича" 1961 года. И лучше не перечитывать "Как нам обустроить Россию" 1989-го. Там планируется братство славянских народов, а у нас со славянской Украиной война (пока холодная) — Крым, Черноморский флот, ядерное оружие...

Горбачева не было три дня. Вернувшись 21 августа он не понял, что вернулся в другую страну.

Солженицына не было 19 (девятнадцать!) лет. Много. Это брежневские годы не различались. А теперь, каждый день — другая страна...

... Этот текст был напечатан в "МК" в марте 1993-го. Прошел еще год.

Сегодня Александр Исаевич Солженицын прилетел во Владивосток.

Увезли на запад. Прибывает с востока. Символично до пошлости.

20 лет не был на Родине (как Одиссей). Вернувшись, он — как Одиссей — застанет разлад, разор, раздор, пирующих женихов.

Страна — другая. Мы — другие. Но и Солженицын — другой.

Тогда — автор "Ивана Денисовича", вчерашний экз. Теперь — автор бесконечного "Колеса" (извините за тавтологию), вчерашний Нобелевский лауреат. Тогда — гонимый. Теперь — благополучный.

Участь, предназначенная "Доктору Живаго", выпала на долю "Красного колеса". Продаётся всюду, почти никто не читает. Некогда.

Конец мая — плохое время для торжественных встреч. Все на дачах, на огородах. Вообще дел стало больше, жизнь ускорила. Получил — беги в банк, а раньше можно было в чулке копить. (Всё гадали вожди: сколько там у бабушек в чулке? Оказалось, гадать не надо. Можно просто отменить чулок.)

И обстановка плохая. Вон сколько партий. Пока отсутствовал — был всешний. Приехал — придется определяться. Присвоить Вас, Александр Исаевич, захотят все — и президент, и Руцкой, и "Выбор России", и Фронт нации чьего спасения. А уж объехать Пред-

седателя Всемирного Конгресса Славянских, Православных и Христианских Народов Владимира Вольфовича — и думать нечего. Даже необходимо познакомиться с тем, за кого народ (оставленный Вами без присмотра) проголосовал.

Эх, если бы Вы вернулись раньше! Даже письмо порывался писать:

**Очень жалко нам, товарищ Солженицын,
Что не видно Вас на стройке наших дней!
Думаете, из Вермонта Вам видней?
Я знаю, Вас ценят и власть, и партии.
Вам дали бы все: от любви до квартир.
Сотраждане сели б пред Вами за парты:
Учи! Верти!**

А теперь? Интервью с Яковлевым (двумя? тремя?), с Попцовым, с Киселевым, с "Моментом истины" ("Скажите честно, Александр Исаевич, почему Вы не задушили Андропова?"), и наконец воскресная пошлятина ("Так, звончек!"). Возможно, какой-нибудь депутат-режиссер подерется за право быть любимым учеником... И встречи, встречи, на которых все будет, как описано в "12 стульях": "Еврей ли Вы?", "Почему нет в продаже животного масла?"

Политэмигрантов нет. Были, но потеряли это право в тот день, когда кончился карательный режим. На родине им давно ничего

не грозит. А что их держит "там" — их личное дело.

Уважение к Солженицыну огромно. Он, может быть, больше всех сделал, чтобы покончить с кошмаром, с ложью, с преступным режимом, и делал это тогда, когда за это могли убить. Но как жаль, что в августе 1991-го он предпочел писать о марте 1917-го, вместо того, чтобы сесть в один самолет с Ростроповичем. (Не осуждаю, избави Бог! Сожалею.)

Только Солженицын, Сахаров и Ростропович удостоились (заслужили!) высочайшего звания: Совесть Нации. Сахаров умер. Ростропович залетаёт на мятежи. Солженицын отсутствует.

Чего же ждать от нации, чья совесть живет за границей?

Да, ребята, мы стали злы и непочтительны. И всех, кто последние годы советует нам из Парижа и Лондона: как себя вести, с кем водиться... Всех благодарим за сочувствие.

Страна ждет великого гражданина.

ТВ по всем программам показывает квартиру, дачу, сторожевую собачку...

Ваш шпиц — прелестный шпиц!

Собираетесь проездом, узнать страну?

Надо было, как халиф Гарун аль-Рашид, переодеться русским (купцом, священником, а лучше — бомжем!). А главное — инкогнито!

Разве разрекламированный вояж будет тихим, частным, естественным знакомством с новой Россией?

К Вашему поезду прицепят вагоны журналистов. По крышам будут скакать фоторепортеры. На станциях — оркестры, хлеб-соль... И ежедневная надсада: или принять гостеприимство первого секретаря обкома (т.е. губернатора), или грубо поссориться. И в любом случае — не встреча с Родиной, а randevu с номенклатурой.

И на всем пути через Сибирь — бумажные комбинаты: "Александр Исаевич, позвольте Вас издать!"

И вагон уже покрашен, подрессорен. И неизбежна ситуация хамской давки, потной толчеи:

— Александр Исаевич! Скажите...

И безумные телеграммы: "Срочно в номер! Купил огурец! Пил чай с двумя кусками сахара! Беседовал с машинистом!"

И давка эта — при его нетерпимости к фальши, да после долгого (хоть и отчужденного) затворничества, отычки от толпы...

Отшельник, да. Но отшельничал не в ски-ту. Благи не жди.

Он — хороший. Мы — плохие.

Трудно будет.